

Р Ъ Ч И,

239 ³/_{153.}

говоренныя

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО.

Харьковского Университета,

бывшемъ 30го Августа, 1807го года.

ВЪ Х А Р Ъ К О В Ъ,

Въ Университетской Типографіи,

1807 года.

232
128

Р. Б. Н.

ГОРОДНИЙ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОВРАЩАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Заказного Ученнаго Комитета

Выпущенъ 3-го Августа 1807 года

И. П. К. А. Е. О. В. П.

Въ Императорской Типографіи

1807 года

I.

О пространствѣ и времени, произ-
несенная Профессоромъ Тимо-
феемъ Осиповскимъ.

Торжествуя совершеніе прошедшаго, и начатіе наступающаго, годоваго печенія наукъ въ семъ Университетѣ, дабы опдѣлить справедливостъ тѣмъ изъ учащихся, кои оказывали въ продолженіе онаго особливое пщаніе, и чрезъ то способствовали къ успѣхамъ сего печенія наукъ, не лзя не имѣть первой мысли, чпобъ прежде всего исполниль долгъ благодарности къ Высокому Основателю сего святылища наукъ, Августѣйшему Монарху нашему АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ. Тѣмъ приличнѣ исполниль сіе предъ собраніемъ такаго Общества, которое изъ патристическаго усердія пожертвовавъ на сіе немаловажною опъ собственнаго спяжанія суммою, много содѣйствовало къ скорѣйшему исполненію въ семъ краѣ священной воли ЕГО разпрѣспранить познанія въ ЕГО Имперіи. Тѣмъ приличнѣ исполниль сіе въ сей день, въ которой вся благоденствующая подъ мудрымъ и благотворнымъ ЕГО правленіемъ Россія празднуетъ день Высокаго ЕГО имени, и ЕГО благословляетъ.

И чпю можетъ быть достойнѣ благодарности опъ сыновъ Опечества, какъ видѣть Государя своего приуготовляющаго благополучіе своему народу на многіе вѣки; какъ видѣть его пекущагося о томъ, чпобъ къ могуществу и богатству его имперіи придасть способы наи-

*

лучше оными пользоваться, единственные способы заимствуемые отъ подробнаго ихъ познанія, и отъ средствъ къ выгоднѣйшему ихъ употребленію, показуемыхъ науками!

Правда, что подлежатъ еще многіе труды и многое время, покуда совершатся высокія ЕГО намѣренія; и не намъ, но потомкамъ нашимъ, предоспавлено судьбою созерцать ихъ событіе, и пользоваться ими во всей ихъ обширности: они произносишь будущъ имя АЛЕКСАНДРА съ благоговѣніемъ, какъ имя божества успроившаго ихъ блаженство. Но истинный сынъ опечества, видя и появляющуюся только зарю будущаго его величія, можетъ ли не перенестъ себя въ воображеніи на то время, когда будетъ оно въ полномъ его блескѣ, и не предвосхищатьъся онымъ; и потому можетъ ли не питать въ сердцѣ своемъ живѣйшей благодарности къ тому, коего благоволеніемъ сіе производится!

Изливъ такимъ образомъ первыя родившіяся по сему случаю чувствованія, намѣренъ я, съ позволенія почтеннѣйшаго Собранія, предложить мысли мои о пространствѣ и времени.

Во первыхъ представлю я въ короткихъ словахъ умствованія о семъ новѣйшихъ философовъ Германіи, и въ особенності Канта, основателя наиболѣе приемлемой тамъ философской системы. Онъ въ своей критикѣ чистаго разсудка разсуждаетъ о семъ такъ: 1°. Понятіе о всемъ внѣ насъ находящемся приобретаемъ мы чрезъ опытность; но въ произведеніи понятія какъ о пространствѣ, такъ и о времени, опытность не участвуетъ. 2°. Сіе понятіе получается не отъ вещей внѣ насъ находя-

щихся, но оно каждому понятію о вещахъ предшесствуетъ. 3°. Какъ пространство, такъ и время, можно вообразить отдѣльно отъ вещей; но ни какой вещи безъ понятія вмѣстѣ о пространствѣ и времени представить себѣ не можно. По сему 4°. Пространство и время не суть принадлежности и условія существованія вещей, но имѣютъ бытіе свое въ насъ однихъ, и мы оное по образу только нашего чувствованія къ вещамъ прилагаемъ; подобно тому, какъ намъ вращающимся съ землею нашею около ея оси кажется, что вмѣстѣ того вершимся около насъ цѣлое небо со всѣми находящимися въ немъ тѣлами.

Сколько ни разсуждалъ я объ оныхъ основаніяхъ, изъ коихъ выведено имъ сіе заключеніе; но допустивъ даже, что онѣ совершенно вѣрны, ни коимъ образомъ въ нихъ увидѣть того не могъ, чтообъ оное заключеніе было необходимое ихъ слѣдствіе. Даже не могъ усмотрѣть въ нихъ и того, чтообъ онѣ приличесствовали болѣе къ существованію пространства и времени только въ насъ, по образу нашего чувствованія, нежели къ дѣйствительному ихъ существованію въ природѣ, какъ необходимостей для возможности существованія вещей. И дѣйствительно, положимъ пространство существующимъ независимо отъ насъ, но такъ что мы необходимо въ немъ существуемъ, и при томъ имѣемъ чувства, устроенныя къ принятію отъ него впечатлѣній; то вмѣстѣ съ симъ положеніемъ необходимо сопряжено будетъ, что оно, будучи отъ насъ неотъемлемо, не преминетъ произвестъ на оныя наши чувства такихъ впечатлѣній, которыя будутъ соотвѣстствовать и его сущности и образованію тѣхъ чувствъ нашихъ, кои устроены на принятіе отъ него впечатлѣ-

ній. Слѣдовательно сіи впечатлѣнія независимы будутъ отъ нашей опытности; ибо тѣ понятія, кои мы собственно называемъ приобретенными чрезъ опытность, производятъ въ насъ не отъ такихъ предметовъ, кои безоплучно при насъ находятся, и на наши чувства невольнымъ образомъ дѣйствуютъ и не дѣйствовать не могутъ, но отъ такихъ, коихъ дѣйствіе на оныя бываетъ случайно, или по нашей предварительной на то волѣ. Такимъ же образомъ если въ природѣ бытіе всего въ ней существующаго есть послѣдовательное, и если имѣемъ внутреннія чувства къ понятію сего бытія усвоенныя, то онѣ невольнымъ образомъ, а по сему независимо отъ нашей опытности, открываютъ его въ насъ самихъ; ибо если бытіе есть, и есть общее всему въ природѣ существующему, то оно отъ насъ неопредѣлимо, и на внутреннія наши чувства, для понятія его усвоенныя, не подѣйствовать не можетъ. И такъ изъ того, что понятія о пространствѣ и времени независимы отъ нашей опытности, не произтекаетъ необходимаго заключенія къ несуществованію ихъ въ природѣ, кромѣ насъ самихъ; но сія независимость отъ опытности равно причислуется какъ къ существованію ихъ въ насъ только, такъ и къ существованію въ природѣ. Чегоже принадлежитъ до другихъ двухъ основаній, то причіе ихъ и къ существованію какъ пространства, такъ и времени, въ природѣ очевидно; толькобъ говорилось въ нихъ о самыхъ вещахъ, а не о качествахъ ихъ.

Какъ изъ вышепредставленнаго сужденія открывается, что оныя основанія, изъ коихъ выведено заключеніе о существованіи пространства и времени только въ насъ однихъ, равномерно причислуютъ и къ существова-

нію ихъ въ цѣлой природѣ; но для опредѣленія, которое изъ сихъ двухъ противоположностей дѣйствительно имѣетъ мѣсто, необходимо прибѣгнуть должно къ слѣдствіямъ того и другаго положенія, и изъ событности или несобытности ихъ заключить о возможности или невозможности котораго либо изъ оныхъ положеній.

Возьмемъ сперва въ разсмотрѣніе пространство, и положимъ, что оно существуетъ только въ насъ однихъ по образу нашего чувствованія. Когда оно существуетъ только въ насъ, но въ природѣ его нѣтъ, то оно существуетъ безъ всякаго на насъ впечатлѣнія извнѣ, понятіе объ немъ причиняющаго; ибо тогда уже и самое понятіе о внѣшности исчезаетъ, по причинѣ той, что съ симъ понятіемъ необходимо сопряжено существованіе пространства. Вмѣстѣ съ симъ исчезаетъ тогда и понятіе о внѣшности, равно какъ и о внутренности, нашихъ чувствъ, и останется только, что мы имѣемъ нѣкоторыя чувства, кои мы по образу нашего чувствованія, называемъ однѣ внѣшными, другія внутренними. Гдѣжь теперь будутъ вещи, кои чувства наши представляють намъ въ пространствѣ внѣ насъ? — Самое слово *гдѣ* не будетъ тогда имѣть никакого вещественнаго значенія; ибо сіе слово относится къ мѣсту, какъ къ части видимаго нами пространства; но съ несуществованіемъ пространства исчезаетъ вмѣстѣ и вещественность понятія о мѣстоположеніи вещей. Далѣе — что такое будутъ видимыя нами положенія вещей одной въ разсужденіи другой? — Что значить, что одна вещь кажется намъ далѣе или ближе, нежели другая, такъ что разстояніе одной нѣскольkokратно содержится въ разстояніи другой отъ насъ? — Что значить, когда мы усматриваемъ, что

нѣкоторыя вещи положеніе свое одна въ разсужденіи другой измѣняють? — По системѣ несуществованія пространства въ природѣ, всѣмъ симъ явленіямъ, внупрь насъ только производимъ, ничего вещественнаго въ ней не соотвѣпспвуетъ. Теперь спрашивается, какъ же сіи явленія въ насъ производятъ, зависимо ли отъ вещей на насъ дѣйствующихъ, или независимо? — Легко разсудить можно, что вещи ни о чемъ пакомъ понятія въ насъ родить не могутъ, чего въ нихъ нѣтъ, и къ нимъ не принадлежатъ; ибо еслии онѣ могутъ родить въ насъ какое либо понятіе, то необходимо быть должно, чтобъ сему понятію въ насъ отъ нихъ производящему соотвѣпспвовало что либо къ нимъ принадлежащее; иначе могло бы спаться, чтобъ ничто производило что либо. По сему при несуществованіи пространства, какъ принадлежности всѣхъ вещей, оныя явленія, какъ относящіяся къ пространству, производятъ въ насъ безъ всякаго въ томъ участія со стороны вещей.

Но всѣ сіи явленія усматриваемъ мы невольнымъ образомъ; ибо не въ нашей волѣ состоить родить или не родить въ насъ понятіе о мѣстѣ какой либо дѣйствующей на наши чувства вещи, или разпорядить, чтобъ усматриваемыя нами вещи представлялись намъ въ пакомъ одна въ разсужденіи другой положеніи, какъ намъ за благо разсудится. При томъ сіи явленія усматриваемъ такъ, что ежели которое либо изъ нихъ усматриваетъ одинъ изъ насъ, то усматриваетъ его и другой совершенно соотвѣпспственнымъ образомъ и порядкомъ. Какимъ же образомъ сіе произойти можетъ, когда въ природѣ нѣтъ ничего симъ явленіямъ соотвѣпспвующаго? — Одинъ остается способъ, а именно надлежитъ быть предразпо-

ложенію, чѣмъ въ душѣ нашей, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ на нее со стороны какихъ либо вещей, рождались, независимо отъ нея, понятія относительно къ пространству, усмаприваемыя нами какъ сопровождающія сіи дѣйствія, и причиняющія въ насъ понятія объ оныхъ явленіяхъ; т. е. при несуществованіи пространства въ насъ должно существовать, относительно къ душѣ каждого, и ко всѣмъ вообще, Лейбницово предвуспроенное согласіе. Положимъ, что сіе предвуспроенное согласіе существуетъ, и вообразимъ потомъ, что мы не всегда по непремѣнному какому либо закону приводимся къ усмаприванію того или другаго явленія, но весьма часто приводимся къ тому по собственнѣйшей нашей волѣ, или по волѣ другихъ, не рѣдко управляемой своенравіемъ; по воображенію усматривая необязанности соображеній и соглашеній всѣхъ воли и случаевъ, дабы предвуспроенное согласіе могло имѣть мѣсто.

Но скажутъ можетъ быть, почему оное предвуспроенное согласіе, для исполкованія возможности оныхъ явленій безъ существованія пространства, необходимо? — Скажутъ, что вещи имѣютъ взаимныя отношенія не по образу только нашего чувствованія къ нимъ прилагаемая, но дѣйствительно къ нимъ принадлежащія; и сіи по отношенія, оппечатавшись въ нашихъ чувствахъ, рождаютъ въ насъ оныя явленія относительно къ пространству. — Положимъ, что сіи явленія суть отношенія вещей; — но дабы имѣть о семъ чистое понятіе, для сего одного слова, выражающаго ихъ, недостаточно; надлежитъ сказать еще, что такое тѣ отношенія вещей; — въ сущности ли вещей онѣ положены, или отъ ихъ сущности независимы? — Видя безпрестанно, что оныя оп-

ношенія вещей измѣняются, между тѣмъ, какъ самыя вещи остаются однѣ и тѣже, не лзя сказать, чтобъ оныя отношенія положены были въ сущности вещей, или изъ нея производили. Какимъ же образомъ сии отношенія къ вещамъ принадлежатъ? — Онѣ принадлежатъ къ вещамъ такъ, что еслибы при какомъ либо отношеніи вещей сии вещи и уничтожились, то бы оныя отношенія остались. Слѣдовательно есть нѣчто особенное отъ вещей, что производитъ въ насъ понятіе объ оныхъ отношеніяхъ; и сіе особенное, что бы оно ни было, будетъ пространство.

Что принадлежитъ до времени, то вмѣстѣ съ положеніемъ существованія его только въ насъ однихъ опни-мется у вещей послѣдовательное бытіе ихъ; ибо чрезъ одно только внутренне чувствуемое нами послѣдовательное бытіе насъ самихъ, и сопребываніе вмѣстѣ съ нами другихъ вещей, мы получаемъ понятіе о времени, какъ о принадлежности всѣхъ вещей. Но можно ли представить себѣ бытіе вещей непослѣдовательнымъ? — Въ доказательство возможности сего понятія приводятъ то, что когда мы разсматриваемъ какую либо вещь, состоящую изъ многихъ частей, коихъ вдругъ обозрѣть не можно, то получаемъ понятія о частяхъ ея одно послѣ другаго, между тѣмъ какъ части сии существуютъ вдругъ, а не одна послѣ другой. Но по моему мнѣнію сіе доказательство не есть доказательство: мы съ совершеннымъ внутреннимъ сознаніемъ различаемъ тотъ случай, когда многообразное въ какомъ либо предметѣ существуетъ вмѣстѣ, отъ того случая, когда оное многообразное существуетъ послѣдовательнымъ образомъ; ибо въ первомъ случаѣ можемъ порядокъ явленія для насъ оныхъ много-

различныхъ частей одной послѣ другой измѣнять по произволѣ, и при томъ въ то же время разные люди могутъ сіи явленія разсматривать разнымъ порядкомъ; во второмъ же случаѣ мы порядка послѣдствія явленій измѣнить не можемъ, и оной представляется намъ невольнымъ образомъ, при томъ совершенно одинаково какъ одному изъ насъ, такъ и другому. Отъ чего же происходитъ сей невольный, и для всѣхъ единообразный, порядокъ послѣдствія явленій, естли нѣтъ порядка въ явленіяхъ, а по сему и времени, въ природѣ? Сего опять иначе изъяснить не можно, какъ чрезъ предъопредѣленное согласіе.

И такъ, когда нѣтъ ни пространства, ни времени, въ природѣ, то должно быть какъ относительно къ тому, такъ и относительно къ другому, предъопредѣленное согласіе, и при томъ такимъ образомъ, чтобъ предъопредѣленное согласіе въ разсужденіи времени согласовано было съ предъопредѣленнымъ согласіемъ въ разсужденіи пространства. Такая система невольнымъ образомъ извлекаетъ слова, сказанныя Алфонсомъ X, Королемъ Кастильскимъ по случаю разсужденія его о системѣ міра, изложенной Птоломеемъ, которая тогда вообще была принимаема.

Довольно кажется и сихъ необходимо произтекающихъ послѣдствій изъ положенія существованія пространства и времени только въ насъ, дабы взять сомнѣніе о сей системѣ. Но разсмотримъ еще пропивноспи, кои основатель крипической философіи высказываетъ, какъ сопряженные съ положеніемъ существованія пространства и времени кромѣ насъ. Онъ говоритъ, что естлибы пространство и время не въ насъ только

существовали, то бы понятие о нихъ приобрѣталось нами чрезъ опытность, и тогда бы онѣ не могли доставить никакихъ опносительно къ нимъ общихъ и несумѣнныхъ синтетическихъ заключеній; но извѣстно, что сіи заключенія возможны, и истинны, ими доставляемые, составили цѣлую науку Математику. Я согласенъ съ основателемъ критической философіи, что не лзя вывести неоспоримыхъ синтетическихъ заключеній изъ понятій приобретаемыхъ опытною, когда сіе приобращеніе понимаемо будетъ въ томъ точномъ смыслѣ, въ какомъ онѣ его предполагаетъ, то есть, когда приобретаются понятія о нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ къ одному цѣлому принадлежащихъ, но не несущихъ на себѣ печати всеобщности. Но понятие о пространствѣ совсемъ иначе приобретается: оно начинается отъ цѣлаго, и части въ немъ уже цѣломъ содержатся; ибо всякой знаетъ, да и самъ Г. Кантъ говоритъ, что понятие о пространствѣ предшествуетъ понятію о всѣхъ вещахъ, кои занимаютъ части сего цѣлаго. Возможность получения понятія о цѣломъ пространствѣ вмѣстѣ съ его частями положена во первыхъ въ самомъ способѣ приобращенія нами сего понятія, то есть, въ нашемъ чувствѣ зрѣнія, такъ устроенномъ, чтобы въ немъ цѣлое напечатлѣвалось вдругъ со всѣми его частями; во вторыхъ въ томъ, что сіе цѣлое единообразно во всей своей обѣятности, и непрерывно. Когдажъ понятие о пространствѣ начинается отъ цѣлаго, а при томъ оно единообразно во всѣхъ своихъ частяхъ, то сіе и доставляетъ возможность и удобство приложенія къ частямъ его какъ аналитическихъ, такъ и синтетическихъ, изслѣдованій. Чтожъ принадлежитъ до времени, то хотя понятие о немъ на-

чинается и не отъ цѣлаго, но единообразіе его и непрерывности налагаютъ на него печать всеобщности, а потому и способности какъ къ аналитическимъ, такъ и къ синтетическимъ, о немъ сужденіямъ. Далѣе говоритъ Г. Кантъ: еслибы пространство было условіе существованія самыхъ вещей, и потому находилось бы оно въ нихъ, а не въ насъ только по образу нашего чувствованія, то какимъ образомъ могли бы мы быть увѣрены, что то, относящееся къ пространству, что въ нашемъ чувствованіи принадлежитъ къ какому либо предмету, дѣйствительно принадлежитъ къ нему? — Но никакъ и не возьмемъ на себя доказывать, чтобы пространство, усматриваемое нами въ вещахъ, было въ нихъ совершенно таково, каково нами усматривается; довольно, чтобы въ нихъ было усматриваемому нами нечто соответствующее, и соответствующее по постоянному закону зависимости между тѣмъ, что въ нихъ находится, и тѣмъ, какъ оно въ чувствованіи нашемъ напечатлѣвается. Напротивъ, если въ вещи нѣтъ ничего соответствующаго тому понятію относящемуся къ пространству, какое въ насъ при чувствованіи ея рождается, и следовательно между сею вещію и онымъ нашимъ понятіемъ нѣтъ никакой взаимной зависимости, то по чему тогда сіе понятіе относится будетъ къ оной вещи? Такъ, когда круглости усматриваемой нами присмотрѣніи на шаръ не будетъ ничего соответствовать въ шаръ, по чему тогда можемъ мы соединять понятіе круглости съ понятіемъ шара; ибо тогда сіи идеи не будутъ имѣть ни какой одна къ другой принадлежности. Въ семъ случаѣ всѣ синтетическія сопряженія идей относительно къ пространству въ Математикѣ предлагаемыя

и доказываемыя были бы чистыя химеры, внутри только нашей головы невольнымъ, но безсвязнымъ образомъ, произходящія, и ни какого отношенія къ вещамъ не имѣющія, а по сему и ни къ какому приложенію къ онымъ неспособныя; но всѣмъ извѣстно, что никто, никогда, и ничего не говорилъ вѣрнѣе говореннаго Евклидомъ въ элементахъ его, и нѣтъ ни въ чемъ точнѣе того соответствія, какъ истинны въ оныхъ элементахъ предлагаемыя согласны съ тѣмъ, что дѣйствительно въ вещахъ усматривается.

Все вышесказанное убѣждаетъ думать, что пространство и время суть условія бытія вещей, въ самой природѣ и въ нихъ самихъ, а не въ нашемъ только образѣ чувствованія, существующія. Что принадлежитъ до пространства, то мое сужденіе о немъ таково: понятіе объ немъ производится по впечатлѣніямъ, произходящимъ отъ него посредствомъ наружныхъ нашихъ чувствъ на наши внутреннія чувства. Впечатлѣніе же, и потѣ предметъ, которой оное производитъ, не суть одно и то же, но чрезвычайно разнятся между собою; подобно, какъ цвѣты, солнцемъ производимые, разнятся отъ самаго солнца. Можетъ даже спастись, и вѣроятно, что сіе впечатлѣніе въ разныхъ людяхъ, по различному образованію чувствъ для принятія его устроенныхъ, бываетъ различно, или по крайней мѣрѣ имѣетъ чувствительныя оппѣнки. По сему, что такое есть пространство въ своей сущности, намъ не извѣстно, и мы не имѣемъ способа узнать его сущность; но оно находится въ самой природѣ, и сущность его имѣетъ постоянное отношеніе къ тому впечатлѣнію, которое оно въ нашихъ чувствахъ производитъ; а поному сравненіе впечатлѣній частями простран-

спива производимыхъ выходящъ таково же, какъ и сравненіе самыхъ сихъ часпей проспранспва. Въ подтвержденіе ви́шняго произхожденія въ насъ понятія о проспранспвѣ привесъ можно описаніе того, что бываетъ съ слѣ-порожденными, когда они по доставленіи имъ зрѣнія въ первой разѣ усмаприваютъ проспранспво и находящіеся въ немъ предметы: какъ они всему удивляются! — какъ не различаютъ дальняго опъ ближняго, великаго опъ малого, и руководствуются осязаніемъ къ приобрѣтенію сего различія! — Ибо сіе не доказываетъ ли, что естли они до отккрытія ихъ зрѣнія имѣли какое либо понятіе о проспранспвѣ, то его имѣли не по внушреннему его созерцанію, но по однимъ идеямъ, доставляемымъ чувствомъ осязанія.

Чтожъ касается до времени, то я понимаю его не такъ, какъ нѣчто существующее въ природѣ само по себѣ, но какъ необходимое произведение послѣдовательнаго бытія вещей, бытія, которое представитъ не въ послѣдовательномъ видѣ не положено въ нашей способности. Скажутъ, можетъ быть, какъ и Г. Кантъ говоритъ, что время опъ вещей опвлечъ можно, и что между тѣмъ, какъ всѣ вещи исчезаютъ въ воображеніи, оно оспаепся. Но когда я ни принимался дѣлатъ сіе опвлеченіе, то опвлекши его опъ всѣхъ прочихъ вещей, не могъ ни коимъ образомъ опвлечъ его опъ себя самаго. Изъ сего заключаю я, что понятіе о времени приобрѣтаемъ мы посредствомъ чувствованія бытія насъ самихъ, и относимъ оное къ прочимъ вещамъ по понятію ихъ сопрыванія съ нами.

II.

De nexu studii Medicinae cum studio Philosophiae.

Cum hoc a natura homini, tamquam animali libertate ac ratione praedito tributum sit, ut quidquid illius salutem, jucundumque vitae usum promovet, omni studio sectetur, e contrario ea, quae prosperitatis suae statui, experientia magistra, contraria esse cognoscit, summopere aversetur; cum porro secunda corporis valetudo inter omnia, quae vel natura, vel fortuna impertiri potest, bona principem facile locum obtineat; mirum non est, quousque historia duce, regredimur, ac praeteritorum saeculorum seriem perlustramus, iam aliqua ejus artis ac scientiae, quae medicina adpellatur, vestigia inveniamus. A sanitate enim corporis omnium reliquorum bonorum fruitio dependet. Doloribus, qui ex infirmo corpore prodeunt, oppressos nihil naturae, et infinita varietate et admirabili pulchritudine superbientis, ad conspectum nostrum proposita miracula, effusique prodiga manu ad felicitatem nostram promovendam ejus thesauri, nihil societatis illecebrae, nihil divitiarum splendor, nihil summum potentiae, honoris ac dignitatis fastigium, nos solet delectare. Jure itaque in felicitatis studio, quoquisque tamquam necessario instinctu incitatur, jam ab ipsis humanitatis quasi incunabulis praeprimis

bonae valetudinis et conservandae et, si perdita fuerit, recuperandae ratio habebatur. Quantum fuerit apud antiquissimos populos circa ea, quae valetudinem corporis respiciunt, observationis studium, inde patet, quod mos viguerit aegros ad trivia et templa exponendi, ut praetereuntes, qui forte simili morbo laborarunt, quibusque contigit, aliquot remedium quo usanitatem recuperassent, idem expositis communicarent. Sed quia, quasquisque faciebat observationes, nimis erant singulares, nullisque nitebantur principiis, quibus solum casus individuales ad Universitatis sphaeram possunt reduci, hinc parum conferebant ad secundam valetudinem corporis vel conservandam, vel recuperandam. Quidquod ex corporis organici, et quibus subjectum est, morborum natura patet, singulares experientias, respectu valetudinis ac mediorum, quae hunc in finem adhibentur, si omnibus destituantur principiis, plus obesse quam prodesse. Ipsa constat experientia, morbos natura, graduque diversos, et penitus sibi oppositos, in quibus aut sensibilitatis, aut irritabilitatis systema potissimum adfectum est, plura eaque praecipua phaenomena habere communia, quibus homines solis innixi observationibus individualibus, in periculosum inducuntur errorem, rati, quae in certis casibus utilia fuerunt, medicamenta etiam in aliis, qui quidem videntur esse similes, in se autem sunt diversi, profutura. Quo saepissimae fit, ut homines, qui recta tractati ratione ad plenam restitui potuissent sanitatem, curatione praepostera, morti subjiuntur. Qui soli inhaeret experientiae, continuo versatur in periculo, ne in statu morbi diverso, prorsus contrariam et venenosam propinet medicinam, aut si

casu contigerit, ut remedium conveniens quasi sorte ex suis traxerit observationibus, nesciat illud, in justa quantitate adhibere. In utroque casu aeger in periculum conjicitur. Nam si aut justo major, aut minor, aut plane contrarii medicamenti quantitas adplicatur, tum vel nullus, qui expectabatur secundus, sed prorsus contrarius et nocivus producit effectus. Hinc, qui soli insistit experientiae, ac face principiorum, ex natura organismi haustorum, campum experientiae aeternis tenebris obvolutum, perlustrare nescit, ratus conveniens medicamentum haud fuisse adhibitum, ad usum mediorum prorsus contrariorum devolvitur. Idcirco iam antiquioribus temporibus viri, majori cultura ingenii et perspicacia praediti id agebant, ut abrogato illo vago et periculoso aegris medendi modo, singulares experientias ad regulas universales everherent, quae ad quoslibet casus individuales applicatae securiorem praestarent methodum. Optatum hunc finem, ut facilius assequerentur, viam abstractionis, analogiae, ac inductionis inierunt. Haec quidem via, ad securae scientiae formam propius accedit, ideoque in medicinae studio, tam parum negligenda, ut potius sit praeprimis commendanda; sed illa sola non sufficit ad finem, quo medicina tendit, penitus attingendum. Omnis quisippe abstractio, analogia, et inductio, ultimo singularibus, innititur observationibus, quae nunquam ad eum nos perducere possunt cognitionis gradum, ubi evidentissime perspicimus, aliquem effectum necessario, hoc modo et non alio contingere potuisse. Omnes cognitiones nostrae, si quidem sint solidae, ac securae, absolutae necessitatis character insignitae esse debent, ita, ut non solum nobis perspec-

tum sit, aliquid quaecumque fieri solere, sed absolute esse impossibile, ut aliter fiat.

Hunc autem cognitionis gradum assequi nullo alio modo possumus, nisi perspecta ratione sufficienti phoenomeni, de quo quaeritur. Experientia sola nos quidem edocere potest, aliquid contigisse, non vero, quare ita et non aliter contigerit, aut contingere potuerit. Sic medicus potest quidem tum propria, tum aliena experientia scire, aliquod medicamentum in certis casibus, salutiferum fuisse; conclusione analogica illud in casu, qui videtur esse similis, adplicat, sperans fore, ut idem effectus, quem saepius expertus est, sequatur. Sed quia ignorat rationem, quare tale medicamentum in hoc, vel illo morbo opem tulerit, nullam habet securitatem effectus futuri. Minima circumstantia potest casum mutare ita, ut quae iam saepissime cum magno emolumento applicata fuit, medicina iam nociva sit. Sola cognitio, *quare* in certis casibus felicem produxerit effectum medicina quaedam, facit, ut possimus accurate ponderare, et dijudicare circumstantias, et clare perspicere, quatenus ita sint comparatae, ut mutant casum, et quatenus sint accidentales, ideoque nihil ad rem immutandam conferant. Hoc cognitionis genus autem sola acquiritur philosophia, utpote quae non contenta cognitione phoenomenorum id sibi facit negotii, ut ad ultimas et absolutas penetret rerum causas, unde cognitiones nostrae empiricae insigniuntur caractere necessitatis. Natura tantum phoenomena exhibet, causasque avara quasi manu velat. Rationis est philosophicae, absoluta sua vi ideas invenire, quibus rerum causae respondent, et ad lucem protrahuntur. In omni-

bus scientiis empiricis nunquam est quaestio de existentia, et realitate certorum phaenomenorum, sed de causis latentibus. Sola cognitio phaenomenorum nullo modo vocari potest cognitio scientifica; talis cognitio est merum aggregatum, super quod nihil solidi, nihil quod secure continuis mutationibus resistat, construi potest. Cognitio scientifica, quae sola securitatem praestat, et rerum naturae respondet, tum demum locum habet, quando causae phaenomenorum fuerint perspectae, ita quidem, ut effectum aliquem alio modo contingere non potuisse, evidenter cognoscamus. Hinc patet, in medicinae studio viam abstractionis, analogiae, et inductionis, utpote quae soli innixa experientiae, adhuc tenebris obvoluta, et periculis plena est, cognitionis philosophicae de natura rerum, et potissimum organismi, quasi face perlustrandam esse, ut ad metam optatam perducere possit. Hoc iam perspexerunt omnium temporum medici sagatiores. Sed quae sola rationis vi ad explicanda phaenomena inveniuntur, ideae, non statim ita sunt comparatae, ut ratio illis penitus acquiescere possit. Hoc tum demum locum habet, quando omnia alicujus phaenomeni momenta tam perfecte possunt explicari, ut nulla restet repugnantia, nulla obscuritas, nullum amplius dubium. Prius fiunt tentamina idearum philosophicarum, quam veritas penitus illucescat, aut idea inveniatur, quae explicandis phaenomenis omni ex parte sufficiat. Talia tentamina sunt omnes hypotheses, quibus cum omnes scientiae empiricae, tum potissimum disciplinae ad medicinae studium pertinentes, sca- tent. Qui in scientiis empiricis Philosophiae nullum locum concedere volunt, naturam hypothesisum ignorant. Hypothe-

ses enim versantur quidem semper circa experientiam, sed ideae, quibus, exprimuntur, quaeque hunc infinem excogitantur, ut repugnantiae in experientiae campo occurrentes componantur, nequaquam in ipsa experientia, sed in sola vi mentis absoluta, quae est ratio, originem habent. Siquis accuratius omnium scientiarum empiricarum indolem voluerit examinare, perspiciet, circa existentiam Phoenomenorum, quae objecta sunt cujuslibet scientiae, nullam esse litem, sed circa causas, unde eorum possibilitas, nexus, et quasi organismus concipiatur. Si hae causae per ipsam experientiam eodem modo manifestae fierent, uti phoenomena, nulla certe in iis explicandis posset oriri inter eruditos discordia; nec ulla esset difficultas, summam in qualibet scientia perfectionem attingere. Ad perfectionem enim scientiae empiricae qualiscunque, nihil quoad substantiam ulterius requiritur, quam primo cognitio Phoenomenorum, quae certam sphaeram, tamquam objectum scientiae particularis, complectuntur, et deinde cognitio causarum, quibus tamquam fundamentis phoenomena innituntur. Si ergo natura phoenomena solum liberali manu, quasi in theatro spectanda exhibet, causas autem abscondit, quodnam est medium, quae via, qua possumus ad cognitionem causarum pervenire? Nihil restat, nisi mentis activitas absoluta, quae potissimum sita est in ratione, quaque illae ideae eliciuntur, quibus phoenomenorum dissonantiae, ad harmoniam revocantur. Hae ideae dicuntur a priori, tum quia superiores experientia sunt, ideoque ex hoc fonte hauriri nequeunt, tum quia tanquam principia inquam, quibus Phoenomenorum non solum eorum, quae iam acciderunt, sed eorum quoque, quae ullo unquam tempore

accident, naturam determinare, et quasi praevidere possumus. Experientia ergo non solum omnis scientiae empiricae, sed et ipsius Philosophiae materia est; sed praeter materiam etiam forma necessaria est, ut aliqua cognitio qualiscunque, characterem scientiae obtineat. Forma vero ex ideis rationis, quibus experientiae facta concipiuntur, ideoque non ex ipsis experientiae factis petenda est.

Num illa idea *Copernici*, qua statuit, solem esse fixum, planetas vero circa illum ita volvi, ut ellipsim describant, experientiae ne debetur? Nonne potius illa idea experientiae contradicere videtur? Quid hac in re exhibet experientia, nisi Phaenomena repugnantia? Et quo modo concilianda sunt? per ipsam experientiam? nequaquam, hac enim ratione repugnantia nunquam tolleretur. Quid ergo fecit Copernicus, ut hanc repugnantiam tolleretur? Excogitavit propria vi mentis aliquam ideam, quae quidem versabarur circa experientiam, id est, quae illum sibi proposuit finem, ut illam experientiae sphaeram, quam systema planetarum nostri solis complectitur, cum adpareat prorsus repugnans, ad harmoniam reduceret. Hac idea rem prorsus invertit, ideoque aliquid, quod experientiae contrarium esse videbatur, statuit, quod tamen ita erat comparatum, ut revera repugnantias in hac experientiae sphaera occurrentes, omni ex parte et perfectissime componeret. Hinc quod primo videbatur mera esse hypothesis, evasit in thesin, cujus certitudo solum modo inde patet, si ita per eam phaenomena explicantur, ut sublata omni repugnantia, ratio penitus adquiescat clare perspicuens aliquod Phaenomenon, cui explicando idea quaedam inservit, absolute ali-

ter contingere non posse, quam illa ratione, quam exprimit idea. Si autem quaedam idea hoc perfectionis gradu non pollet, non thesis sed hypothesis nomine venit. Cum autem tota natura consistat in conflictu virium oppositarum, necesse est, ut in qualibet experientiae provincia, quam perlustrandam et explicandam sibi sumit scientia quaedam particularis, Phœnomena quoque oppositâ se prodant, ideis propria vi mentis excogitatis, concilianda: cumque hae ideae propius ad veritatem successive accedant, mirum non est, quod omnes scientiae plenae sint hypothesisibus, quarum una alteram trudit, oppugnatque, donec inventa vera idea, quae thesis indubiae dignitatem occupat, omnes hypotheses eliminantur. Ratio non alia via ad veritatem pervenit, nisi quae ducit per anfractus hypothesisum, tanquam per tentamina philosophandi. Hinc si quis medicinae studium ex eo, quod sit quasi seminarium hypothesisum, spernit, ille certe et naturam alicuius qualiscunque scientiae, et potissimum medicinae ignorat. Objectum enim immediatum studii medicinae est corpus humanum. Si vero iam ab antiquis quodlibet corpus organisatum tanquam microcosmus habebatur, hoc praeprimis in corpore humano, tanquam organismo totius naturae perfectissimo locum habet. Uti ergo corporis humani vera cognitio omnes naturae sphaeras complectitur, sic quoque necessario sequitur, hanc cognitionis provinciam fertilissimam esse hypothesisibus. Sed cum hypotheses tantum sint tentamina praevia rationis, quae cedere debeant suo tempore artis indubiisque positionibus, tanquam fundamentalibus alicujus scientiae principiis, propterea quod mens humana nullibi, ubi adhuc minima dubii, aut

repugnantiae caligo residet, subsistere possit, sed necessario ad plenam veritatis lucem tendat: hinc et in medicinae studio, saltem quoad principia primaria, supremus hypothesium dies ingruere debere patet. Et certe quod iam dudum desiderabatur, hoc nostris temporibus videmur esse consecuti. Hoc beneficium, quo gratulandum est humanitati, praeprimis debemus philosophiae naturae, sine cuius luce, medicinae studium aeternis palpitat in tenebris. Nam uti iam dixi, huius studii objectum immediatum est corpus humanum. Sed quia corporis humani natura intelligi non potest, sine cognitione naturae organisatae generatim sumptae, necessario medicinae studium totius naturae organisatae sphaeram, ac quibus dirigitur, leges complectitur. Quis autem potest intelligere recte huius vastissimae quidem, particularis tamen sphaerae leges, nisi in infimum naturae anorgicae scilicet, descendat gradum? Leges enim, quae hic obtinent, eadem sunt, ac illae, quae in regno organico dominantur, cum hoc solum discrimine, quod natura in hac ditione sublimiorem gradum adeptaeasdem leges sub alia modificatione et forma exhibeat. Cum ergo leges, quibus regitur natura anorganica, sint fundamentum legum, quae in regno organico locum habent, patet cognitionem nullam securam esse posse circa naturam organisatam, sine cognitione naturae anorgicae. Sed quod est principium legum? An experientia? Nequaquam. Experientia enim nos edocere potest, quid fiat, non vero quare et quidem necessario. Hanc rationem, quare necessario quid fiat, indagare solius philosophiae negotium est. Cum vero philosophiam necessariam esse in medicinae studio asseram, neuti-

quam illud philosophiae spectrum commendare velim, quae in meris sita est formalitatibus ac in fructiosis subtilitatibus, sed illam scientiam, quae nullum principium proponit, nisi cujus usus necessarius pro omnibus scientiis, et pro toto humanitatis bono evidenter ostendi potest; scientiam, quae licet ex purissimo rationis fonte scaturiens, ideoque superior omnibus cognitionibus mere empiricis, tamen in totum experientiae campum saluberrime se diffundit, omnes ejus regiones irrigat, ac fertilitate infinita foecundat; scientiam, quae, quas experientia suppeditare nequit, ideas proponit, quarum evidens necessitas, certum nobis est criterium, quod per eas naturae leges, recte sint expressae, quibus omnia phaenomena diriguntur; scientiam ergo, quae tota est pro experientia, licet non sit ab experientia; haec enim solam occasionem dare potest ad ideas, legibus naturae congruentes inveniendas, neutiquam vero ut principium agnoscendi respicienda est.

Iam dudum erat axioma ab omnibus admissum, in tota natura nullum dari saltum, nullum hiatus, omnia ergo lege continui contineri. Si hoc ita se habet, uti negari non potest, natura anorgica debet successive transire in naturam organisatam. Sed hic transitus absolute est impossibilis, si materia sic dicta inanimata sit prorsus et essentialiter diversa a materia animata, sive si natura anorgica cum natura organisata sit in vera repugnantia. Si in hac consideratione solam experientiam sequimur, statuendum erit inter duo regna absolutam esse oppositionem, cum materia organisata vita propria gaudeat, reliqua autem materia vi inertiae depressa per se ad mortem perpetuam videatur esse damnata, et tantum

mechanice ad motum concitari posse, aut influxu qualicunque aliorum corporum affecta, vitam quandoque alienam et mutuatam prae se ferre. Hanc autem absolutam, quam experientia nobis exhibet, repugnantiam inter naturam anorgicam et organicam prorsus esse impossibilem, ipsa ratio evidentissime demonstrat. Quae enim in absoluta sunt repugnantia, in nullo possunt esse commercio, aut influxu mutuo; nec potest hoc admissio lex continui, sine qua nullum universum cogitari potest, habere locum. Haec difficultas saniori Philosophiae naturae tollitur, quae statuit, primo omnem materiam sive animatam, sive inanimatam esse phœnomenon virium fundamentalium, sibi oppositarum, non quidem absolute, sed tantum relative; has porro vires representari per quodlibet corpus, sive sit, sive non sit animatum, ita tamen, ut diversissima in infinitum usque progrediens quantitas, proportio, et gradatio admittenda sit; rursus utrum hae vires activae adpareant, aut quiescentes, hoc dependere inde, quod vel sint in aequilibrio, vel in statu contrario, in primo casu materiam necessario prodere vitam, id est, activitatem, in altero mortem sive quietem. Haec naturam contemplandi ratio, viam nobis securam sternit ad explicandos processus cum naturae anorgicae tum organicae. In natura anorgica tres sunt fundamentales processus, quibus omnes functiones, quas in hac ditione experientia nobis conspiciendas proponit, innituntur. Hi tres processus sunt magnetismus, electricitas, et chemica naturae operatio. Prima a qua omnis naturae functio dependet, est conditio oppositarum virium, quae per corpora representantur, et quidem virium in diversa quantitate posita-

rum. Facillimum est, hanc oppositionem ostendere in magnetismo, electricitate, et processu chemico.

Tota haec, quae in hisce processibus se exerit, naturae activitas desinit, quam primum aequilibrium redit. Quod in Galvanismo, qui tres illos processus in se complectitur, activitas, licet corpora conjuncta mechanice non moveantur, uti in electricitate, perduret, hoc inde est, quod per fluidum aequilibrium, quam primum intrat, statim iterum tollitur, ideoque per conflictum restitutum corporum oppositorum, conditio vitae semper de novo ponitur. Hinc galvanismus iam typus est vitae, quam *in corporibus organisatis* conspicimus. Vita perdurans, quae in natura organisata locum habet, unice dependet a conflictu semper restaurato, inter systema organorum quibus incitabilitas id est sensibilitas ope nervorum et irritabilitas ope vasorum sanguiferorum, musculorum et ceterorum ad concoctionem, assimilationem et reproductionem spectantium organorum repraesentatur. Omnia, quibus organicum corpus continuo reproducitur, natura convertit ab initio in fluidum, quod deinde successive transit in solidum. Vires fundamentales totius naturae sunt vis positiva, et negativa, quae juxta diversam gradationem, diversam formam induunt, et quidem in natura anorganica vis positiva, est vis expansiva, et negativae respondet, vis attractiva sive contractiva; synthesis utriusque constituit vim gravitatis. In natura organica vires illae fundamentales, altiore adeptae gradum sub forma incitabilitatis id est sensibilitatis et irritabilitatis nomine adparent, quae in conflictu externae in organismum influentis naturae continuo, pro sua relatione mutua, vitam, valetu-

dinem secundam et restaurationem producant. Tantum praevalente unius prae altera energia excessiva, nascitur morbus. Facile dicet quis, quid utilitatis ex hisce novis ideis philosophicis redundat in medicinam? Certe plurimum. Nam ut taceam, nequidem vitae possibilitatem sine hisce ideis concipi posse, ideoque in ipso hujus studii atrio, scilicet in physiologia medicinae studiosum offendi aliqua repugnantia indissolubili, ad sequentia tantum momenta quemlibet attentum esse velim. Primum si certum sit, uti negari non potest, naturam agere nullo modo posse, nisi concursu virium oppositarum, sequitur etiam in organismo, ut vita perdurare possit, neccessarium esse conflictum virium oppositarum, quae hic nomine sensibilitatis et irritabilitatis veniunt, et per systema nervorum, musculorum, atque reliquorum vasorum representantur. Si deinde vires tantum activitatem exerunt, quando sunt extra aequilibrium constitutae, necesse est, ut quousque vita perduret, inter functiones sensibilitatis et irritabilitatis, aut una aut altera praepollere debeat, et quidem intra certam sphaeram constitutioni peculiari cujuslibet organismi definitam, ita, ut quamdiu mutus conflictus intra hanc sphaeram versatur, adsit sanitas, et quam primum illam vel ex parte sensibilitatis, vel ex parte irritabilitatis transgreditur, interveniat morbus, cui nisi resistatur mors sequi potest, quod tunc fit, quando excessus vel sensibilitatis, vel irritabilitatis, eum gradum attingit, ut reactio vis contrariae penitus opprimatur. Nam sine conflictu virium non est vita; conflictus autem tollitur, quam primum una vis per excessum alterius penitus fuerit extincta; ergo mors in hoc casu neccessaria est. Quid ergo agendum est

medico, ut vel mortem impediat, vel organismum rursus in statum valetudinis secundae, reducat? His ductus ideis ex philosophia naturae haustis, securam viam inire potest. Nam ex symptomatibus indubiis potest dijudicari, utrum vel irritabilitatis vel sensibilitatis systema plus justo incitatum et vitae energia, elevatum sit? Vi cuilibet in quantate plus justo majori positae detrahitur, si alteri contrariae quidquam additur, et quidem tantum quantum prima excedit. Ergo in omnibus morbis, quibus sensibilitas excedit, ea secunda et unice adhibenda sunt medicamina, quibus depressa irritabilitas extollitur, et vicissim.

Evidentissimum est, in omnibus illis casibus, ubi sensibilitas sphaeram sibi definitam transgressa est, omnia quibus corpus debilitatur medicamina, plus vel minus nociva esse. Facile est hoc quoque ad eos casus adplicare, ubi irritabilitas excedit.

Haec methodus, morbos curandi provenit ex principiis simplicissimis, et evidentissimis, ideoque et facillima, et securissima est. Quantum praeterea luminis adspergitur hisce principiis pathologiae, nosologiae, et materiae medicae, diaeteticae? quod attinet ad illam infinitam morborum cohortem, quae olim ingenia medicorum vexavit, et turbavit, ex philosophiae naturae principiis certum est, illos ad tria genera capitalia reducendos esse. Si corporis laesiones mechanicas, quibus succurit chirurgia statuamus, omnes morbi, quicunque cogitari possunt, ita sunt comparati, ut vel systema irritabilitatis, vel sensibilitatis adficient. Hinc et omnia medicamina, tam laesiones organismi externas, quam haec systemata spectan-

tia pro natura morborum ad tres classes referenda esse, palam est.

Si itaque medicus accurate noverit, ad quod genus aliquis morbus referendus est, si praeterea satis sit acutus, ad discernendas diversissimas modificationes, quibus quodlibet genus morborum subjectum est, et hac in re necessariam sibi acquisiverit cognitionem; si denique medicamentorum, quae cuilibet morbo opposuit natura, distincte perspectas habuerit vires, certe multo facilius, feliciusque tractabit morbos, quam ille, qui omnibus philosophiae destitutus principiis, soli experientiae inhaeret. Quae cum ita sint, sequitur philosophiae naturae studium tam arcto vinculo cum studio medicinae conjunctum esse, ut qui illo se carere posse putat, medicus non nisi ad perniciem humanitatis hanc scientiam exercere posse videatur.

Quid igitur praestantius, quid dulcius in humanitatis prosperitatem accidere potest, *elementia, amoreque paterno optimi*, maximique Maecenatis ALEXANDRI I. cujus nunc nobis licet onomasticam piissima, gratissimaque veneratione diem recolere. Hujus etenim et voluntate, et sapientia, tam philosophiae, quam medicinae, ceterarumque utilium artium studia, in alma hac musarum Universitate crescent, florescent, et fructus uberrimos producent.

Georgius Koritary.

et per naturam morborum ad nos classes referenda esse
iam est.
Si igitur morbus accutus non sit, sed quod genus ali-
quod morbus referendus est, si praeteritum sit, et accutus ad
dissociationem diversissimas modulationes, quibus quilibet
genus morborum subiectum est, et hoc in re necessarium si-
bi adhibere cognoscendum, et deinde in re necessarium quod
cuiuslibet morbo oppositum naturae, distincte perspicere habeo-
re vix, certe multo facilius, et ceterisque tractabilibus morbis
quoniam ille, qui omnia philosophiae destituit peritiam,
soli experientiae inhabet. Quae cum ita sint, sequitur philo-
sophiae naturae studium tam arduum, quam etiam studio me-
dicinae conjunctionem esse, et qui illo se carere, posse quidem
medicinas non nisi ad principia humanitatis hanc etiam
exerere posse videtur.
Quid igitur praestantius, quid digne in humanitate pro-
spectum accideret potest, elementis auctoris per uno opti-
mum, namque per Maceranas ALEXANDRI I. cuius prima nobis
liberis ornamentis praestant, et ceterisque vixit, dum
recolet. Huius etiam et volumine, et ceteris, tam philoso-
phiae, quam medicinae, ceterisque vixit, dum
in aliis hoc museum Universitatis excelsae floruit, et
liberis ornamentis praestant.

Georgius Kottwitz